

Денег не вернуть, так что побег в другой город — такое брат Бао видел не раз. Сегодняшний визит был лишь для того, чтобы припугнуть их и заставить семью Цянь сидеть смирно.

Не строить никаких хитрых планов.

Если Цянь Хуцзы сбежит, у них найдутся способы заставить его вернуться.

Люди из игорного дома избили Цянь Хуцзы, бросили ещё пару угроз и ушли.

Зеваки, глядя на семью Цянь, не знали, что и сказать.

Некоторые, боясь, что у них попросят в долг, поспешили домой, как только бандиты скрылись из виду. Остались только Цзян Сяои с двумя младшими братьями да несколько фуланов и женщин, которые были дружны с дядей Цянем. Они принялись помогать прибираться в доме.

Обеденный стол был разбит.

Бочка для воды тоже.

Видимо, опасаясь, что семья Цянь спрятала деньги, люди из игорного дома не пощадили ни одной комнаты. Одежда и постельное бельё из шкафов валялись на полу. Словно пронёсся ураган, в доме царил полнейший беспорядок.

Семья Цянь ошеломлённо стояла во дворе, казалось, ещё не оправившись от страшной новости.

Цзян Сяои, видя, как бледен дядя Цянь, хотел было его утешить, но старик Цянь вдруг, словно обезумев, набросился на Цянь Хуцзы с кулаками и пинками.

— Муженёк...

— Отец, что ты делаешь?

Цянь Хуцзы, и без того избитый до синяков за неуплату долга, теперь страдал от боли во всём теле.

— Отец...

— Не называй меня отцом, я тебе не отец! — Старик Цянь за всю свою жизнь ни перед кем не

кланялся, но сегодня на глазах у всей деревни он стоял на коленях перед людьми из игорного дома, потеряв и лицо, и честь. Он всю жизнь был честным человеком и не думал, что на старости лет столкнётся с таким.

Тридцать лянов...

Это же смертный приговор для их семьи. Этот непутёвый сын.

Цянь Хуцзы шевельнул губами, хотел что-то сказать, но, подняв голову и увидев, как отец вытирает слёзы, не смог произнести ни слова.

Цянь Хуцзы горько сожалел.

В тот день он только вышел из зерновой лавки и случайно встретил старого знакомого, с которым когда-то работал в городе. Этот знакомый был заядлым игроком. Разговорившись, он силой потащил его в игорный дом, сказав, что покажет ему, как там всё устроено.

Цянь Хуцзы вошёл, с любопытством оглядываясь. Его несколько раз подбили, и он, не удержавшись, достал пару вэней и сыграл несколько раз.

Потом, сам не помня как, очнулся, когда уже темнело. Он хотел уйти домой, но люди из игорного дома остановили его, сказав, что он должен денег...

...

Днём отец Цзян вернулся с гор. Ещё не дойдя до дома, он уже знал, что случилось у Цяней.

— Что же теперь будут делать дядя Цянь и дедушка Цянь? — Цзян Сяои, вспоминая, как старик Цянь стоял на коленях и кланялся, чувствовал, как у него сжимается сердце.

Отец Цзян положил в рот кусочек овоща.

— Твой двоюродный брат Хуцзы совсем потерял голову, — вздохнул он. — Тридцать лянов — это не маленькая сумма. В долг ему точно никто не даст. Чем дольше тянуть, тем больше будет долг перед игорным домом. Сколько дней Цзыму ходит на работу?

Бай Цзыму с утра уходил на работу, ругаясь, что раньше, когда он работал, у него было два выходных в неделю, в худшем случае — один, а теперь вообще ни одного, чёрт побери, прямо как у Чжоу Бапи.

Поэтому Цзян Сяои точно помнил:

— Семь дней.

Отец Цзян нахмурился:

— Семь дней? Значит, проценты набежали на двадцать два ляна? Это почти три ляна в день. Боюсь, семье Цянь придётся продавать землю.

Цзян Сяои ахнул и замолчал.

Земля — это жизнь для деревенских.

Без крайней необходимости никто на такой шаг не пойдёт.

У семьи Цянь и так было немного земли, а народу много. Продадут землю — как им потом жить?

Цзян Сяои ковырял рис в своей миске, испытывая что-то вроде сочувствия.

Раньше, когда их семья ещё не продала землю, они могли хоть как-то сводить концы с концами. А после продажи, как бы он ни старался, они всё время голодали.

— Старший брат, что ты делаешь? Почему ты не ешь? — окликнул его Цзян Сяосань. — Если не будешь хорошо кушать, гэфу вечером не поцелует.

— Точно, брат, ешь скорее, — поддакнул Цзян Сяоэр.

Гэфу велел им дома вести себя хорошо. Если они будут послушными, то, когда он устроится на работе, возьмёт их с собой.

Цзян Сяоэр это хорошо запомнил и в последние дни был просто паинькой: что Цзян Сяои ни скажет, всё делает, куда пошлёт — туда и бежит.

Цзян Сяои очнулся и улыбнулся.

Да.

Раньше он работал до изнеможения, но всё равно не мог заработать на кусок хлеба. А теперь...

У него был муж.

И они больше не голодали.

Цзян Сяои тут же повеселел.

Отец Цзян, видя его мечтательную улыбку, словно он нашёл кошелёк с серебром, понял, что тот опять думает о Бай Цзыму.

Эх, этот гэ'эр.

После обеда двое малышей, обняв свои игрушечные машинки, отправились в дом старшей ветви семьи. По дороге все деревенские дети сбежались на них посмотреть.

Хотя они и не знали, что это за штуковины, но видели, как Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань с ними играют. Эти штуки были большими, ездили сами по себе и даже могли возить людей. Выглядело это невероятно круто.

Раньше они бы уже отобрали их, но теперь боялись, что Бай Цзыму надерёт им задницы, поэтому могли только стоять у дороги и завистливо смотреть.

Отец Цзян после обеда не пошёл в горы, а принёс два ведра жёлтой глины, вывалил её во дворе, добавил немного воды и начал месить. Цзян Сяои рядом нарезал рисовую солому.

Жёлтая глина, смешанная с соломой, использовалась для заделки трещин в стенах.

Сейчас была уже середина десятого месяца, утро и вечер становились прохладными. Старый дом был весь в трещинах, и если их не заделать, зимой ветер будет гулять по комнатам, не давая спать по ночам от холода.

Пока они были заняты работой, неожиданно пришли Цяни.

Глаза дяди Цянь и госпожи Цянь были красными и опухшими — было видно, что они проплакали с самого утра.

— Дядя Цянь, дедушка Цянь, — поздоровался Цзян Сяои, немного удивлённый.

Его семья была бедной, это знала вся деревня.

Семья Цянь определённо пришла не за деньгами.

Он хотел было принести им стулья, но дядя Цянь остановил его. Цзян Сяои остановился, вопросительно глядя на него, но тот, казалось, не решался начать разговор.

Отец Цзян отложил мотыгу:

— Второй брат Цянь, проходите в дом, поговорим!

У старика Цянь был старший брат, они давно разделились. Старший брат жил в старом доме в центре деревни, а он построил себе три комнаты на окраине. Хотя ему было уже под шестьдесят, по возрасту он был ровесником отца Цзяна.

На улице и вправду не место для разговоров. Семья Цзян вошла в дом. Когда все уселись, отец Цзян спросил:

— Второй брат Цянь, у вас какое-то дело ко мне?

Старик Цянь, казалось, с трудом подбирал слова.

Дядя Цянь лишь вытирал слёзы, не говоря ни слова.

Тогда вперёд выступила госпожа Цянь, потянув за собой Цянь Хуцзы:

— Дядя, умоляю, помогите нашему Хуцзы!

Госпожа Цянь была той ещё снобкой. Раньше она презирала их семью и не раз посмеивалась над его детьми. Отец Цзян знал об этом, но, будучи мужчиной, не хотел связываться с женщиной. Она никогда не ругалась ему в лицо, так что он делал вид, что ничего не замечает. А сегодня она, к его удивлению, пришла просить о помощи.

Отец Цзян на мгновение растерялся и с трудом произнёс:

— Невестка Хуцзы, не то чтобы я не хотел помочь, но моя семья сама в нужде.

— Мы не за деньгами, — сказала госпожа Цянь.

Отец Цзян спросил:

— Тогда чем я могу помочь?

Госпожа Цянь покраснела и посмотрела на Цзян Сяои:

— Сяои, а где твой муж?

— На работе, — ответил Цзян Сяои, и тут же госпожа Цянь схватила его за руку:

— Сяои, я раньше была неправа, не стоило мне так о тебе говорить, прости меня! Попроси своего мужа помочь твоему двоюродному брату Хуцзы.

Цзян Сяои, догадавшись, о чём речь, нахмурился:

— Как помочь? Вы хотите, чтобы он пошёл драться? Этого не будет.

— Нет-нет. Я просто подумала, он знаком с людьми из ямэня, может, он сможет...

— Не сможет, — прервал её Цзян Сяои, не дав договорить.

Он понял, чего она хотела: чтобы люди из ямэня замолвили за них словечко перед игорным домом.

Если бы они были хорошо знакомы, то можно было бы и помочь.

Но в тот день, когда они возвращались после сдачи зерна, он спросил Бай Цзыму, откуда тот их знает, и Бай Цзыму ответил, что он с ними совсем не знаком.

Как же тогда просить? Если он попросит, это будет долг, а чем они потом расплачиваться будут?

— Сяои, — снова заплакала госпожа Цянь, — помоги своему брату Хуцзы! Я была неправа, я извиняюсь перед тобой. Но все эти годы мой отец и твой брат Хуцзы немало тебе помогали! Ты не можешь забыть...

— Что ты такое говоришь, заткнись! — прикрикнул на неё дядя Цянь. Госпожа Цянь, видя, как изменились лица Цзян Сяои и отца Цзяна, поняла, что опять сказала не то, и тут же замолчала.

Дядя Цянь действительно немало помогал семье Цзян, но, как уже говорилось, Цзян Сяои не оставался в долгу.

Он не был им ничем обязан.

Но некоторые вещи так просто не измерить.

Издавна говорят: легко добавить инея на снег, но трудно подать уголь в стужу.

Когда ты в беде, и кто-то протягивает тебе руку помощи, эта доброта дороже золота.

Дядя Цянь вытер слёзы:

— Сяои, я сегодня пришёл к тебе, потому что у меня просто нет другого выхода. Тридцать лянов, моей семье действительно негде взять такую сумму. Я думал продать несколько му земли, но ты же знаешь, у нас её и так мало. Продам — и не знаю, как жить дальше.

Дядя Цянь заплакал, а старик Цянь молчал.

Они пришли сегодня не для того, чтобы не платить тридцать лянов, а чтобы попросить Бай Цзыму помочь договориться, чтобы игорный дом перестал начислять проценты. Тридцать лянов они бы потом потихоньку выплатили.

Цзян Сяои ещё не успел ничего сказать, как раздался смешок.

Неизвестно когда вернувшийся Бай Цзыму стоял, прислонившись к дверному косяку, скрестив на груди руки и закинув ногу на ногу. Его взгляд был ленивым и рассеянным.

— Вы меня ищете? — его взгляд упал на госпожу Цянь. — Что, хотите меня о чём-то попросить? Вы ничего не путаете? Я же пришлый нахлебник. Зачем вам просить меня о чём-то? К тому же, разве на моём лице написано «добрый и бескорыстный»?

Госпожа Цянь, и так сгоравшая от стыда, теперь и вовсе не могла связать двух слов:

— ...Нет, не написано.

— Вот именно, что нет. Потому что я человек недобрый и очень злопамятный.

Госпожа Цянь: «...»

Никто из семьи Цянь не мог поднять головы.

Ведь госпожа Цянь раньше ругала его, и теперь прийти с просьбой было ужасно стыдно.

— И не надо говорить о доброте, — равнодушно сказал Бай Цзыму. — Семья Цзян вам ничем не обязана. Не помочь — моё право, помочь — моя добрая воля. Дядя Цянь, я правильно говорю?

Последняя надежда рухнула. Дядя Цянь, давясь слезами, не мог вымолвить ни слова и лишь кивнул.

— ...Муж, пойдём домой!

Он хотел было увести госпожу Цянь, но та вдруг оттолкнула его руку, бросилась к ногам Бай Цыму и, ударяясь лбом о землю, запричитала:

— Парень Бай, это я была неправа, это я смотрела на тебя свысока, это я языком своим тебя обидела. Я кланяюсь тебе в ноги, умоляю, не держи на меня зла, помоги моему мужу!

Госпожа Цянь знала, почему Цянь Хуцзы пошёл играть.

Недавно её родня прислала весть, что они построили новый дом и в конце месяца зовут её на праздничный обед.

На свете не бывает бесплатных обедов.

Это было новоселье, и нужно было идти с подарком.

У госпожи Цянь было две старшие сестры и младший брат-гэ'эр. Их выкуп за невесту был больше, чем у неё, и замуж они вышли удачнее. Мужья её двух сестёр — один был единственным сыном в семье, другой — торговцем. Муж её брата умел кастрировать свиней. Все они жили лучше, чем семья Цянь.

Каждый год, когда она возвращалась домой, её подарки были скромнее, чем у них, и родители относились к ней прохладнее.

Госпоже Цянь было обидно, и в этот раз она хотела подарить что-то стоящее, иначе родители совсем от неё отвернутся. Она решила, что в этот раз нужно купить отрез ткани, три-четыре цзиня мяса, два цзиня сахара и три цзиня вина.

Она всё продумала и сказала об этом Цянь Хуцзы. Обычно на такое событие достаточно было принести полкорзины яиц, цзинь мяса, цзинь сахара и тридцать медных монет.

Цянь Хуцзы поговорил с дядей Цянем, но тот не согласился. Не то чтобы ему было жалко, просто когда у старшей невестки в семье было такое же событие, он приготовил для неё полкорзины яиц, два цзиня мяса, полцзиня сахара и двадцать медных монет.

Если для младшей невестки он купит больше, старшая наверняка обидится.

Дядя Цянь хотел, чтобы всё было по справедливости, и велел Цянь Хуцзы уговорить жену. Но госпожа Цянь не только не слушала, но ещё и устроила скандал. Цянь Хуцзы, не зная, что делать, и понимая, что жена, выйдя за него замуж, терпит насмешки от своей родни, решил сам заработать и купить ей подарок, чтобы она могла поднять голову.

Госпожа Цянь чувствовала, что если бы она не устроила скандал, Цянь Хуцзы, возможно, и не пошёл бы играть.

Семья собиралась продавать землю, но старший брат и его жена были против.

Землю легко продать, но трудно купить обратно. Если они её продадут, то даже если потом и накопят денег, вернуть её будет почти невозможно.

Дети в семье подрастают, едят всё больше. Они и сейчас не едят досыта, а если продадут землю, то, скорее всего, просто умрут с голоду.

— Парень Бай, я кланяюсь тебе, умоляю, помоги моему мужу! Умоляю тебя!

Бай Цзыму молчал, глядя на Цзян Сяои:

— А где мои два шурина?

Цзян Сяои, не ожидавший, что госпожа Цянь поступит так, был немного ошеломлён.

— ...Пошли в дом к старшему дяде.

— Тогда я к ним, — сказал Бай Цзыму и вышел.

Госпожа Цянь вскочила и хотела было побежать за ним, но старик Цянь и Цянь Хуцзы удержали её.

— Хватит, — сказал старик Цянь. — Не унижайся. Пойдём домой. Цзян Ань, мы сегодня вас потревожили.

Он видел, что Бай Цзыму всё ещё злится на них за прошлое.

И это было справедливо. Его невестка тогда перешла все границы. То, что он ничего не сделал, уже было проявлением милосердия. Как он мог ещё и помочь им?

— Отец, что же нам делать с Хуцзы? — рыдая, спросила госпожа Цянь.

Старик Цянь, казалось, постарел на несколько лет за один миг. Он тяжело вздохнул и сказал лишь:

— Пойдём.

...

Вечером на ужин был белый рис. Бай Цзыму снова принёс цзинь мяса. Днём Цзян Сяои замочил немного сушёных побегов бамбука, и теперь поджарил их с жирным мясом — аромат стоял на весь дом. Постное мясо он потушил с молодой капустой, предварительно замариновав его в соли, растительном масле и имбире, так что оно получилось совсем не жёстким, а суп — очень наваристым.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань уплетали за обе щеки. Их было легко прокормить, они совсем не привередничали, ели всё, что им давали, в отличие от современных детей, которые то не едят, это не едят, и за которыми приходится бегать с ложкой, уговаривая съесть ещё кусочек. Бай Цзыму был очень доволен.

— Гэфу, это мяско вкусное, — Цзян Сяоэр подцепил палочками кусочек жареного жирного мяса и протянул Бай Цзыму. — Гэфу, кушай, мяско ароматное.

Цзян Сяосань, видя, что Бай Цзыму похвалил Цзян Сяоэра и даже съел предложенный кусочек, тут же придвинулся к столу и тоже протянул ему кусочек.

— Гэфу, гэфу, и Сяосань тебя покормит.

— Хорошо, — Бай Цзыму открыл рот. Цзян Сяосань с улыбкой положил ему мясо в рот. — Гэфу, вкусно?

— Угу, вкусно. С привкусом соплей.

Цзян Сяосань захихикал:

— Гэфу обманывает Сяосаня, у мяса не может быть вкуса соплей! Сяосань понюхал, Сяосань умный, гэфу его не обманет, хе-хе-хе.

Троица ела с аппетитом.

А вот Цзян Сяои и отец Цзян сидели без настроения.

Отец Цзян, подумав, всё же спросил у Бай Цзыму, может ли тот помочь семье Цянь.

Цзян Сяои тоже поднял на него глаза.

Отец и сын были людьми добрыми. Несмотря на то, что госпожа Цянь открыто и втайне их унижала, они понимали, что семья дяди Цянь всё же относилась к ним хорошо, и не хотели

видеть, как они идут ко дну.

Бай Цзыму положил Цзян Сяои в миску палочку овощей и честно сказал:

— Несложно. Достаточно одного слова.

Отец Цзян спросил:

— Правда? Ты знаешь там кого-то?

— Знаю, — сказал Бай Цзыму. — Начальник того игорного дома часто у нас обедает. Мы с ним хорошо знакомы.

— Тогда... не мог бы ты помочь семье Цянь? — спросил Цзян Сяои.

Бай Цзыму посмотрел на него и улыбнулся:

— А ты хочешь, чтобы я помог?

— Хочу, — раз уж это дело одного слова и не доставит особых хлопот, Цзян Сяои сказал: — Дядя Цянь всегда был добр ко мне.

Цзян Сяоэр, который примерно понял, что у семьи Цянь проблемы, тут же пискнул своим детским голоском:

— Точно, дядя Цянь хороший. Он раньше мне и младшему брату жарил сладкий картофель. Гэфу, помоги. Помогая другим, быстрее попадёшь в рай.

Бай Цзыму: «...»

Цзян Сяои: «...»

Бай Цзыму стукнул Цзян Сяоэра по голове. Этот сорванец вечно говорит невпопад. Он посмотрел на Цзян Сяои:

— Хочешь, чтобы я помог, — это не проблема. Поцелуй меня, и я...

— Я поцелую, я! — Цзян Сяоэр вытянул губки и потянулся к его лицу. Цзян Сяосань бросил палочки, прыгнул со своего маленького стульчика и полез на Бай Цзыму:

— Гэфу, и Сяосань хочет тебя поцеловать.

Бай Цзыму: «...»

Цзян Сяои, видя, как его, словно обречённого, целуют двое малышей, невольно рассмеялся. Он бросил взгляд на отца Цзяна, увидел, что тот смотрит в свою миску, и быстро чмокнул Бай Цзыму в щёку.

Отец Цзян: «...»

Бай Цзыму был счастлив.

На следующее утро госпожа Цянь снова пришла.

Ранним осенним утром стоял густой туман. Неизвестно, как долго она ждала снаружи. Её волосы и плечи были влажными от росы, а губы посинели от холода.

— Парень Бай... — она с надеждой посмотрела на Бай Цзыму, тихо позвав его.

Бай Цзыму повернулся и пошёл прочь.

— Парень Бай...

Госпожа Цянь снова позвала его, но, видя, что он не останавливается, закрыла лицо руками.

Сзади слышались тихие всхлипывания.

Бай Цзыму обернулся, посмотрел на неё и беспомощно вздохнул.

Какой бы высокомерной госпожа Цянь ни была раньше, сейчас она выглядела жалкой и беспомощной.

Вчера, когда она упала на колени, Бай Цзыму, надо признать, испытал удовлетворение.

Но сейчас, видя её в таком подавленном состоянии, с осторожным и умоляющим взглядом, он почувствовал жалость.

Конечно, лишь капельку.

Бай Цзыму, насвистывая, отправился в город.

Сейчас он хотел только зарабатывать деньги, устроить свадьбу и спать с Цзян Сяои.

Этот гэ'эр был таким мягким и белым...

Думая об этом, Бай Цзыму чувствовал себя прекрасно.

Шагал он легко и беззаботно.

Днём люди из игорного дома снова пришли.

Семья Цянь как раз договорилась продать три му земли подешевле, чтобы быстрее получить деньги. Они уже собирались идти к старосте, как вдруг прибежал один из односельчан.

— Дядя Цянь, плохо дело, люди из игорного дома опять пришли!

Семья Цянь остолбенела.

Почему они снова пришли?

Разве вчера не договорились, что дадут им несколько дней? Или в игорном доме в последнее время только один должник — Хуцзы, и они решили вцепиться в него мёртвой хваткой?

Деревенские любили поглазеть на чужое горе, и теперь они снова собрались позади бандитов, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Цзян Сяои тоже вышел во двор.

Цзян Сяоэр обнял его левую ногу, Цзян Сяосань — правую, тоже «поглазеть».

Брат Бао подошёл к двери. Двор семьи Цянь был прикрыт. Вчера, когда они приходили, чтобы припугнуть их, один из его подчинённых с размаху пнул дверь. Сегодня этот же парень снова выскочил вперёд, желая выслужиться перед начальством, но, едва пнув дверь, сам отлетел в сторону.

— Как ты работаешь? — недовольно сказал брат Бао. — Начальник же велел нам быть вежливыми. Если мы испортим дело, управляющий Бай больше не будет с ним болтать. Ты сможешь за это ответить?

Семья Цянь вышла из дома. Старик Цянь, дрожа, подошёл к нему:

— Молодой человек, разве вчера не договорились, что вы дадите нам несколько дней? Мы уже собираем деньги. Не могли бы вы дать моему сыну ещё немного времени, умоляю вас.

— Я сегодня пришёл не за долгом, — сказал брат Бао.

Старик Цянь:

— А? Тогда...

Брат Бао подошёл, обнял старика Цянь за плечи, и его тон стал на удивление дружелюбным, совершенно не похожим на вчерашний:

— Дядя, у вас такие связи, почему вы вчера не сказали? Если бы сказали, разве мы, братья, посмели бы так поступить? За вчерашнее приносим свои извинения.

Старик Цянь был в полном недоумении.

Какие у него связи?

Почему он сам об этом не знает?

Даже зеваки, видя такое дружелюбное поведение брата Бао, ничего не понимали.

Брат Бао громко рассмеялся:

— Управляющий Бай передал нашему начальнику, что вы — свои люди. А раз свои, то начислять проценты было бы не по-братски. Дядя, не бойтесь, я сегодня пришёл, чтобы сказать вам: проценты наш начальник прощает, верните нам только восемь лянов.

Это было как гром среди ясного неба, как упавший с неба пирог.

Семья Цянь не могла поверить своим ушам.

Миг назад они были в полной безысходности, а в следующую секунду пришла такая радостная весть.

Так внезапно.

Словно умирающий от голода вдруг получил кусок хлеба.

Словно задыхающийся внезапно глотнул воздуха.

Семья Цянь была так счастлива, что не знала, что и делать, и снова заплакала.

Дядя Цянь дрожащим голосом спросил:

— Молодой человек, это... что всё это значит?

Их реакция была немного странной. Брат Бао на мгновение замер, затем внимательно посмотрел на него:

— Вы не знаете?

Дядя Цянь покачал головой.

Что он должен был знать?

— А Бай Цыму вы знаете? — спросил брат Бао.

Никто из присутствующих во дворе ничего не понимал. Какое отношение к этому имел муж-гэ'эр из семьи Цзян?

Зачем о нём спрашивать?

Дядя Цянь кивнул.

Брат Бао сказал:

— Вот и правильно, что знаете. Управляющий Бай сегодня сказал нашему начальнику, что знает вашего сына, и просил нас быть снисходительнее. Дядя, мы вчера действовали по правилам, вы уж не держите на нас зла. Когда увидите управляющего Бая, замолвите за нас словечко, хорошо?

Все присутствующие застыли с открытыми ртами от изумления.

<http://bllate.org/book/13701/1593830>